

Галина Мурсалиева



МЕЖДУЦАРСТВИЕ В ГОЛОВАХ:

психодинамика переходного сознания



Галина Мурсалиева

Междуцарствие в головах

НПФ «Смысл»

Мурсалиева Г.

Междоцарствие в головах / Г. Мурсалиева — НПФ «Смысл»,

Как мы жили? Как мы живем до сих пор и почему? Почему наши дети выпрыгивают из этой жизни в окна? Кто такие «намордранцы»? Куда звонить «при любви»? Как можно обречь людей на гибель, и как вернуть людей к человеческой жизни? Эта книга история жизни нашего общества за последнее десятилетие через призму причудливого отображения ее в сознании людей. Все связано нюансами человеческих напряжений и защит, обманов и самообманов, зависимости и честности. Адресуется всем, кто стремится понять.

© Мурсалиева Г.

© НПФ «Смысл»

Содержание

А ЧТО У ВАС, РЕБЯТА, В ГОЛОВАХ?	5
Глава 1	7
«ЗАУМЬ БЕСИЁ»	8
АСТРАЛ КРЕПЧАЛ	12
ГОЛУБЬ, ЛЕТИ!	15
Глава 2	22
ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ...	23
АСФАЛЬТ ДЛЯ ОЛИГАРХОВ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Галина Мурсалиева

Междоусобица в головах

А ЧТО У ВАС, РЕБЯТА, В ГОЛОВАХ?

Перестройка... Горбачев... Ельцин... Революция... переворот... Путч... Распад СССР... Гайдар... Реформа цен... Чубайс... Приватизация... Конституция... Расстрел парламента... Голосуй... Бандиты... Олигархи... Дефолт... Силовики... Чечня... Дагестан... Березовский... Путин... Дубровка... Гексоген... Беслан... ЮКОС... Путь от безмятежной уверенности в завтрашнем дне и шуток про наше светлое будущее – самое будущее в мире до ощущения себя в джунглях, где за каждым поворотом – звериный оскал дикого капитализма, по лианам носятся голосащие политехнологии, в траве скользят смертельно ядовитые террористы, а сквозь заросли тяжело продирается молчаливый ОМОН, пройден в рекордные сроки, меньше времени смены поколений. Крыша едет, приходится придерживать обеими руками. Кризис в стране с самого начала был не только политический и экономический, не меньшую роль во всем происходящем играл кризис психологический, кризис смысла и ценностей. Хотя бытие и определяет сознание, но лишь до определенного момента. В какой-то момент сознание имеет шанс собраться и начать определять бытие. Но само собой это не происходит. Похоже, что наша страна еще не дошла до этой точки, и остается лишь надеяться, что успеет дойти. Повзреть.

До революции, при царе, говорили про другого царя – в голове, что означало собственное разумение. «Без царя в голове» – значило неразумный, безбашенный, без руля и без ветрил. Революция в феврале 17-го года скинула царя – самодержца всероссийского, октябрьская же революция упразднила заодно и царя в голове. Советской власти ни к чему было своемыслие граждан. Всего лишь десятилетие спустя был поставлен диагноз: «разруха в головах». Слегка прибрались, и вот несколько поколений выучилось жить без царя в голове, обходиться содержанием, переключаемым в нее из «Краткого курса...» и хорошо отредактированных СМИ.

Хорошо было при развитом социализме. Думать не надо, все, что надо думать, специальные органы расписывали в методических пособиях. Самому мозгу напрягать мало того что утомительно, еще и для здоровья вредно. Государство заботилось о здоровье граждан, лечило принудительно извращенцев-мыслеголовок.

А как предложили перестраиваться, стало нехорошо. Ведь это значит – самим соображать, каждому отдельно. Главное, чего лишилась большая часть населения в переломные годы – не работа, зарплата и сбережения. Самая страшная утрата – утрата ясной, определенной картины мира, норм жизни, ценностей и смысла. Всем было ясно, ради чего и как жить в обществе строительства коммунизма. И вдруг – всего этого нет, не знаешь не только в какой стране живешь, но и ради чего. Плюрализм в одной голове – это, как известно, шизофрения. Почему вдруг больше половины населения в одночасье записались в православие, причем одновременно с восточными гороскопами, диагностикой кармы и старыми житейскими языческими суевериями? Глубинная религиозность вышла из подполья? Нет, просто надо было срочно чем-то заполнить вакуум, возникший при крушении коммунистической веры, – чтобы с ума не сойти. Где-то взять заповеди, которым следовать. Не своим же умом жить, в самом деле? Эдак мы не приучены... Царей у нас давно нет. В том числе в головах.

Помню, когда Горбачев провозгласил лозунг нового мышления, меня, как психолога, разобрало профессиональное любопытство. Мышление занимает почетное место в любом учебнике психологии, значит, новое мышление тоже в нашей компетенции. Что же это с психологической точки зрения? Попробовал разобраться – да ничего особенного. Обычное куль-

турное логическое развитое мышление. Тогда, подумал я, может со старым что-то не так, которому оно на смену должно прийти? Копнул – и ужаснулся. Мышления там вовсе не оказалось, а оказалась смесь мифов, комплексов, амбиций, предрассудков, барьеров, пустословия, страхов, причудливых фантазий и непонимания. Этот коктейль и сейчас занимает место мышления у огромного числа людей, не исключая и популярных политических деятелей.

Но эта книга не о них, а о нас. В какой-то мере обо всех, потому что в нашу переходную эпоху известно откуда непонятно куда «старое мышление», являющееся главным предметом и героем этой книги, не обошло никого из нас. Даже наиболее мыслящие, ответственные, критичные и самокритичные все равно остаются заражены этим психологическим вирусом, который мы по капле из себя выдавливаем, но считать себя полностью здоровыми смогут только наши дети. Надеюсь.

Эта книга – единственная в своем роде, не имеющая аналогов. Ее автор Галина Мурсалиева – журналист от психологии и психолог от журналистики – вот уже не менее десятилетия в своих статьях, публиковавшихся в основном в «Огоньке» и «Новой газете», и вот теперь в этой сделанной на их основе книге тончайшим из всего набора журналистских перьев неутомимо исследует причудливые извивы нашего переходного сознания. Как мы обманываем и обманываемся – и как не даем обманывать себя. Как бежим от «тьмы низких истин» к «высшающему обману» – и как нам удастся пробиться к правде и удержать ее. Как поем с чужого голоса – и как обретаем собственный. Как теряем своих близких и самих себя – и как обретаем их и себя вновь. Как мучительно страдаем от разрухи в собственных головах – и как трудно реставрируем в ней самодержавие. Как сон нашего разума рождает чудовищ – и как иногда все-таки удастся найти в себе душевные силы, чтобы проснуться. Как тяжелее всего страдают от всеобщей межеумочности дети – и как даже в тяжелейших условиях все-таки пробиваются ростки разумного, доброго, вечного, когда кто-то сам берется за ум, перестав надеяться на ценные указания и всеобщее изобилие откуда-то оттуда...

Эта книга далека от того, чтобы красить все одной краской – черной, белой или красно-коричневой. Она вся на полутонах, как и сама жизнь, в которой есть все – и отчаяние, и мужество, и пустота, и смысл, и страх, и надежда. Дочитав до конца, убеждаешься, что в головах, конечно, черт-те что, но шанс есть. Как говорил, кажется, Бродский, этот мир уже не спасти, но отдельного человека всегда можно. И путь к спасению прост, хотя и невероятно тяжел – самому взяться за ум, не искать готовых фасованных рецептов, смыслов, лозунгов. Думать и отвечать за себя. И заодно за близких немножко. Только тогда и в подъездах постепенно наступит порядок, и планету приберем.

Не спрашивай, куда несется Русь, отвечай, куда идешь ты.

Дмитрий Леонтьев, доктор психологических наук

*...Нам больше не на что пенять,
Самих себя перехитрили:
Умом Россию не понять
Без помощи психиатрии.*

Владимир Леви

Глава 1 ФЛЕЙТА ДЛЯ ИЗВИЛИН



«ЗАУМЬ БЕСИЁ»

Как мы создавали «деструктивный культ» за три года до конца века

Возле киоска, торгующего «быстрой» едой, всего один столик и три пластиковых стула. Мы с психологом Владимиром Крысенко берем себе гамбургеры и занимаем места. Третьего пока нет. Человек, который захочет здесь перекусить, станет нашей жертвой.

... – У вас свободно? – к нам подсаживается юноша в черных джинсах и кожаной куртке. Он кладет на стол огромный сэндвич, разноцветную газетку, потягивает пиво. Володя слегка хмурит брови – я для себя перевожу: парень не очень-то нам подходит, он, видимо, весьма уверен в себе. Я едва заметно киваю, что означает: давай все же рискнем. И Володя, проучившийся год в театральном вузе, вдруг меняется: он сияет, светится, на него радостно смотреть. «Бомбежка любовью», – вспоминаю я термин, относящийся к завлекающему искусству сектантов. И тоже ласково улыбаюсь. Парень, метнув на нас взгляд, взялся за газету теперь не празднично, как поначалу, а с нарочитой внимательностью. Однако не выдержал, мельком взглянул на нас, потом еще раз, теперь уже с каким-то подобием улыбки на лице. Я тут же сказала:

– Знаете, вы нам почему-то так понравились, что нам с другом захотелось вас пригласить.

– Что? Вы мне?

– Да! – проникновенно вступил Володя. – Это, конечно, твое дело. Но в нашем солнечном братстве тебе были бы рады.

– Где? – недоверчиво переспросил юноша.

– В братстве, – пояснила я. – Братство – это когда все бескорыстно. Друзья собираются на совместное чаепитие, для того чтобы попытаться понять этот мир. Это особенно важно теперь, когда до конца века и света остается меньше трех лет.

Парень улыбнулся:

– Приколы нашего городка? Где-то здесь камера?

Я уже было махнула рукой: не удалось. Но психолог Крысенко с пафосом подхватил:

– Друг, ты абсолютно прав! У нас есть свой городок, там живут святые голуби.

– Голуби?..

Человек человеку – героин, или Монолог консультанта

Евгений Волков – конфликтолог, кандидат философских наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского университета. Он консультант по проблемам защиты от психологического и духовного насилия, выводу из деструктивных культов. Сказать, что он со своей редкой профессией сегодня востребован, значит не сказать ничего: его рвут на части, приглашают на всевозможные семинары и тренинги, психологи и психотерапевты просят о консультациях.

– Все понимают ужас психотропного оружия, – рассказывает Волков. – Грубо говоря, оно сдвигает химию и физику организма, клеточные процессы. То есть ломает сам механизм, как если бы взяли и сломали компьютер. Теперь представьте: компьютер в целости, а все программы в нем подменяются. Это не менее страшно. Вот он, человек: живой и невредимый, он с вами, но, по сути, его уже нет – он где-то далеко и к вам больше не возвращается. Что произошло? Воздействие человека на человека. Мы друг для друга куда более сильные наркотики, чем героин. И если эти воздействия организовать определенным образом, это может быть пострашнее психотропного оружия.

На семинаре в одном из сибирских городов я видел девушку, которая попала в «Белое братство» в четырнадцатилетнем возрасте и провела в секте несколько месяцев. Прошло полтора года, как она оттуда вышла. Но на семинаре, где присутствовали люди зрелые и даже пожилые, она казалась старше их. Сплошная настороженность – человек на войне. У нее было ощущение: над ней совершили психологическое насилие. Как? Есть несколько видов техники контроля сознания. Например, групповое давление через игры, подобные детским, через пение, объятия, прикосновения и лесть. Через изоляцию – вдали от близких человек теряет чувство реальности. Есть техники, останавливающие мышление: монотонное пение, повторяющиеся действия. Ну и так далее.

Многим кажется, что поддаться этому могут только люди неопытные. Это не так. Одна американская ученая долгое время изучала приемы, которые применяли в некоем скандальном культе. Люди, попадавшие туда, сходили с ума, кончали жизнь самоубийством, покушались на жизнь близких. И вот она решила провести эксперимент: прикинувшись человеком с улицы, дала себя «уговорить» и уехала с ними за город. Первое, что она спросила у захватившей к ней на третий день коллеги, было: «Пожалуйста, напомни: а что там у них плохого?»

Есть такая древняя мудрость: к большим поражениям, провалам мы подходим мелкими шагами. И если мелкие сдвиги, отклонения кем-то программируются, выстраиваются в последовательную систему, человек нечувствительно переходит в иное качество. В школьные годы у меня был друг, который ловил голубей на балконе. Когда птица садилась на перила, он начинал от дверей медленно-медленно двигаться, делая при этом мелкие движения руками. И в итоге, когда он уже приближался, оставалось так же медленно поднести руку и брать живую добычу... Для голубя все это время ничего, по сути, не происходило.

Пленный дух

– ...Голуби? – переспросил «Друг», улыбаясь.

– Да, – сказал Володя. – И ты, друг, можешь заслужить это звание. Его носят люди просвещенные, понимающие: на краю века всем, кто не услышит гласа верховного Бога Глюка, предстоят страшные испытания.

– Глюка? Да я вообще не колюсь.

– А вы уверены, что все, что сейчас происходит, не галлюцинация? – задумчиво произнесла я. – Голуби упорхнули от нечисти и построили свой прекрасный городок. Там светло и чисто. Нет подлости, хитрости – только любовь.

– А как называется? – нашелся вдруг парень. – Что это, организация?

– Группа, – сказал Володя. – Называется «Заумь Бесиё», что означает учение о душе.

– А-а, – сказал «Друг». – Я что-то слышал. Там что-то взорвали.

– Нет, – напрягся Володя. – Хорошо, что тебя сейчас не слышат голуби. То было «Аум Синрикё». Это нельзя путать.

И дальше мы, попеременно беря слово, выдали адскую смесь учений, чаяний, научных и околонуточных сведений, мистики. Парень слушал, открыв рот.

...В суде на слушании дела по иску к автору брошюры «Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным» Александру Дворкину мы

видели родителей, чьи дети связали свои судьбы с некоторыми упоминавшимися на заседании сектами. Выражением лиц они были очень похожи на солдатских матерей – может быть, вы помните, их много раз показывали в телепередачах. Тогда шла первая война, и матери просто селились в Чечне в надежде вызволить из плена своих сыновей.

– Мой сын Сережа учился в текстильном институте, его конструкции участвовали в показе высокой моды. Все бросил с того дня, как к нему на улице подошли активисты «Церкви Христа», – рассказывала мне одна из женщин в перерыве судебного заседания. – Он дал свой телефон и адрес, и с того момента – чуть ли не каждую минуту звонки по телефону и в дверь: «Здравствуй, друг!» Надо проведать заболевших братьев, проводить на поезд сестер, завербовать новых членов... Пошла я как-то с ним, мне, честное слово, стало плохо. Бум-бум-бум – забивают гвозди якобы в Христа: такие вот эффекты театральные. У Сережи не осталось ни одного друга из тех, которые были до секты. Года три, как я ни разу, понимаете, ни разу не видела, чтобы он улыбнулся как раньше, от души... Знаете, как они молятся? Вопят, стонут, теряют сознание. Дома молиться нельзя – надо найти высокое место: дерево или крышу. Наши дети в полной, абсолютной власти лидеров секты. Поэтому многие родители боятся говорить о том, что знают. Убеждена, если лидеры скажут сыну: пойд и убей – он пойдет и убьет.

Сообщения, связанные с сектами, по числу пострадавших напоминают фронтовые сводки: самоубийство в Сан-Диего членов общины «Врата Рая» – погибло 39 человек; у нас, в селе Антипино Тюменской области – 36 трупов, жертв ритуальных убийств; пропал без вести бывший сектант Богородичного центра Слава Вишневский. Это – из ставшего известным лишь за два месяца...

Суть обвинения автору брошюры – покушение на свободу совести. И в самом деле – формула «кто сектант, тот преступник» – опасна. Но если сектант – преступник, как это распознать? Страшные тени действительно преступных групп «Белое братство», «Аум Синрикё» – разве не надо о них говорить, объяснять, как их можно было бы распознать на входе?

– Похищение бывших членов сект – явление нередкое, – сказали мне в центре криминальной информации ГИЦ МВД России, – есть основание считать, что так поступает «Церковь Христа», есть письменные показания человека, которого шантажировали, покушались на его жизнь. За помощью приходят родители. А официально обращаться в милицию боятся. Конечно, есть религиозные движения, которые в правовом отношении безупречны. К примеру, баптисты не нарушают закон. Но существуют группы явно преступные. И нет правоохранительной структуры, которая бы ими занималась. Преступления, связанные с сектами, тонут в потоке обычных уголовных дел. А вот в царской России существовал специальный департамент, который занимался преступлениями, случившимися на религиозной почве. Понимали: уровень мотивации сектанта, совершающего преступление, неизмеримо выше, чем у обычного бандита. Он думает не об обогащении, а о спасении души.

...Мы уже все знаем про «Друга». Его зовут Женя, он второй год учится в Юридической академии, ему 21 год. Родители состоятельны, и да, конечно, он сможет материально поддерживать «Заумь Бесиё». Поехать с нами на загородный семинар? (Есть у нас замечательный особнячок, полно молодежи, песни, пляски.) «Да запросто!» Как связаться? «Метро “Отрадное”, автобус – записывайте номер, 4-я остановка...» – записываем. «Перейти дорогу, там мимо гаражей, слева школа, дом с парикмахерской». Дальше номер дома, подъезд, этаж, номер квартиры и телефона. А если вечером – вот еще один номер, он там часто бывает.

Мы встаем – он остается доедать свой сэндвич. Эксперимент удался. Мы поймали голубя...

Непристойное предложение

...И отпустили через минуту. Мы вернулись. Женя, снова увидев нас, обрадовался:

– Знаете, я сейчас как раз думал, что давно так душевно ни с кем не общался.

«Когда вы встречаете самого дружественного человека, которого когда-либо знали, который вводит в самую любящую группу людей, которую вы когда-либо представляли, и вы находите руководителя самой вдохновенной, заботливой, сочувствующей и понимающей личностью, которую вы когда-либо встречали, а затем вам объясняют... что причиной появления группы является что-то такое, на осуществление чего вы никогда не смели надеяться; и все это звучит слишком хорошо для того, чтобы быть правдой, то это, вероятно, слишком хорошо для того, чтобы быть правдой! Не променяйте свое образование, свои надежды и стремления на погоню за радугой».

(Из обращения к людям бывшей участницы секты «Народный Храм» Джин Милз, ставшей впоследствии жертвой трагедии в Джонстауне, где совершились убийства и самоубийства 911 человек – взрослых и детей.)

Мы дали Жене это почитать. Он сказал:

– Ну? – Потом, подумав: – А чего они там поумирали? – И, помолчав, вдруг догадался: – Все неправда?

Он улыбался так же неуверенно, как тогда, в первые минуты нашего с ним знакомства. Мы поговорили про то, что у него не срабатывает инстинкт психологического самосохранения и что он может быть захвачен кем угодно. Он не соглашался:

– Я себя всегда контролирую.

– Нет, – сказал психолог Владимир Крысенко, – не мы, а ты дал нам свои координаты. И контакты бы начались не по твоей, а по нашей инициативе.

Мы рассказали про техники контроля сознания. Но, наверное, зря. Разочарованный, он ушел, махнув рукой:

– Идиотский розыгрыш.

Мы же, вновь собравшись с силами, отправились приставать к людям дальше. Охота шла успешно: только двое из семерых пресекли наши попытки сразу. От мужчины же лет сорока (Григорий, работает в государственной организации, возит шефа) ушли с трудом – он готов был говорить с нами о братстве и Глюке вечно. Он нарисовал нам на блокнотном листке план местности, где расположен его дом. Сказал, в какое время дома один ребенок, во сколько возвращается жена и когда он бывает сам. Ирина, 30-летняя домохозяйка, в конце беседы призналась:

– Знаете, вы просто открытие мира мне сделали. Я теперь хоть буду видеть смысл жизни, – и дала телефон.

АСТРАЛ КРЕПЧАЛ **«Заумь бесиё» девять лет спустя**

Эпидемия бреда самого разного рода и толка косит людей, как грипп кур. Сайентологи, под видом комиссии по правам человека, выступают на одной из самых уважаемых радиостанций Москвы. Индийские сектанты собирают в Москве залы довольно-таки престижных кино-театров, их видеокассеты и книжки раскупаются с лету. Имидж Грабовому помогло в свое время сделать одно центральное издание, рассказав, что этот чудо-человек с помощью магического кристалла останавливает ядерный взрыв.

Наверное, все легко объясняется коммерческими интересами – «духобароны» могут хорошо платить, их бизнес процветает, он на взлете востребованности. Вернулся даже Кашпировский – герой давно обросших бородой анекдотов. Санкт-Петербургский дворец спорта «Юбилейный», в котором он выступил, конечно же, не то же самое, что экран телевизора в каждом доме. Всю страну ему теперь уже не взять под гипноз так, как это было прежде. Но все-таки востребован и он.

Страна под гипнозом?

* * *

Даже Булгакову с его Воландом и Котом такого, наверное, было не придумать... Идет прямой эфир телепрограммы «Пусть говорят», ее ведущий Андрей Малахов сообщает: «Бывший покойник Филиппчук Борис Ярославович».

Вопрос из зала:

– Борис, когда вы скончались?

Ответ:

– 1 августа 1996 года.

– Вы помните себя в морге?

– Да.

– И когда вы воскресли?

– Воскрес 2 августа 1996 года.

– Что было причиной смерти?

– Не знаю.

– Что чувствовали, когда умирали?

– Абсолютно ничего.

– А когда воскресли?

– Чувствовал мир и покой. Я хочу всех вас поприветствовать, мир вам!

И мир праху твоему, хочется сказать, но праха нет, а есть человек, который действительно хоть и разговаривает, но удивительно похож на покойника. Здесь же рядом Грабовой сидит, говорит, что кто против его учения выступает, тот, стало быть, против жизни. Но и он тоже выглядит, как мертвец – нет живых реакций, никаких реакций нет! Человек говорит так, как будто кто-то его все время включает и выключает, он не отвечает на вопросы, не злится, не раздражается, не торжествует, просто ведет свой монолог. Очень серьезно.

– Это хлестаковщина! – выкрикивает кто-то из зала, и другие аналогии, более современные, здесь же звучат – про МММ говорят, про ваучеры чубайсовские, про «Властилину». Механизм, конечно, и в самом деле похож, но совсем же другие насилуются здесь струны человеческой психики, другая идет игра, другой обещается приз – не о финансовом благополучии речь, а о душевном.

Дальше в передаче возникает женщина, которая свидетельствует, что она по учению Грабового оживила своего умершего мужа; тут же выясняется, что она актриса, а человек, который писал за Грабового книгу, тоже здесь, и он никто иной, как бывший собкор «Правды», член Союза журналистов и Союза писателей. Политолог и религиовед Максим Шевченко берет в телепередаче слово и подытоживает:

– ...Контуров бизнес-проектов появляются, какие-то артисты, какие-то риайтеры, люди, которые готовят бэкграунд...

И только вот в этот момент до меня доходит: такое все «грабовое» и в самом деле уже было в нашей жизни, вспомните! Болью, горем людей уже торговали, как нефтепроводом. Политические персоны, партии получали в итоге голоса на выборах, политические технологи – «боледоллары». Сразу после московских взрывов на Каширке и на улице Гурьянова началась вторая война в Чечне. Очень важно понять сейчас, что в тот период переживало большинство населения страны, вспомните: люди менялись прямо на глазах. Образованные и вроде бы как бы считавшиеся глубоко порядочными на полном серьезе говорили о том, что надо заасфальтировать Чечню. Эмоционально разделяли вброшенную в массовое сознание мысль о том, что все чеченские дети – будущие террористы. Этот наркоз, конечно же, скоро отошел, «чеченская доза» сегодня уже недостаточна, но людям, подсевшим на манипуляции, на быстрые решения любых проблем, невозможно справиться с ломкой самостоятельно.

Есть такая древняя мудрость: к большим поражениям, провалам мы подходим мелкими шагами. И если мелкие сдвиги, отклонения кем-то программируются, выстраиваются в последовательную систему, человек нечувствительно переходит в иное качество.

– Здесь необходимо проведение психолого-психиатрической экспертизы, – говорит сегодня в той же телепередаче с Грабовым известный независимый психиатр Юрий Полищук. – Я выдвигаю гипотезу о том, что психически не совсем здоровый человек с определенным развитием, которое представляет из себя, скорее всего, бредовую систему, индуцировал большое количество людей. И высказывания таких людей также свидетельствуют об их психической индукции...

Он же чуть позже выкрикивает:

– Реклама оккультизма, мистики, экстрасенсов – пора прекращать этим заниматься, потому что грядет массовая психическая эпидемия.

Это, конечно же, можно прекратить, но люди сегодня уже сами ищут тех, кто поможет снять порчу и заасфальтирует врага. Предложение даже уступает спросу.

* * *

– Глубоко травмированными людьми манипулировать легко, – сказал мне уже после телепередачи политолог Максим Шевченко. – Для меня между политическими технологами и Грабовым нет практически никакой разницы. Только что первые умнее второго. Но работают они в одном и том же пространстве, они тоже магически разводят население страны. Они не позволяют переработать горе, а это важнейший внутренний психологический процесс, как для отдельного человека, так и для нации в целом. Мы говорим о погибших детях Беслана – это безусловный траур. Но мы не говорим о десятках тысяч погибших и искалеченных детей Чеченской республики разных национальностей. И отношение такое – как к гражданам не своей страны, а страны-противника – это отношение конструировалось в Москве, кремлевскими грабовыми.

– Но то, что конструируется сегодня, преподносится с нарочитой какой-то небрежностью, выглядит чудовищно нелепо, шито грубыми, крупными стежками, белыми нитками. Ощущение такое, что эзотерические вещи, с одной стороны, и всевозможные партии, общественные движения – с другой, лепятся по одной и той

же выкройке: верну мужа, выхожу в астрал, оживлю погибших, – это же нарочитое упрощение, намеренное. Но возьмите лексику, к примеру, движения «Наши» – тот же астрал... Почему именно сегодня это все работает?

– Когда происходит девальвация смыслов, на их место приходят технологии смыслов придуманных. Это все работает потому, что достиг своего апогея кризис проектного мышления. Надежды перестройки обернулись блефом, кровавой бойней, войной десятилетней, социально-экономическим расслоением. В том формате, в каком сейчас страна существует, у нее нет будущего. И отсутствие проекта нашего общего будущего прячется в движении технологических симуляторов типа движения «Наши». Там, конечно, используются разного рода технологии. Это видно даже из их текстов. Людям дают ключевые мифологические точки: великая победа, великая страна, мораль и нравственность, необходимость противостоять Западу. В чем разница между реальной жизнью и виртуальной? Все так же в жизни: у нас была великая победа, великая страна и, наверное, надо в чем-то противостоять Западу, но, с другой стороны, у страны и у великой победы была изнанка, а у Запада есть чему учиться. Но поводыри ведут своих овец, во-первых, не позволяя размышлять, а во-вторых – всегда на бойню.

– Может быть, дело в том, что все больше и больше людей оказывается в стороне от жизни, в психологическом небытии, не для них «играет туш, горят глаза...». Система ценностей же тоже резко изменилась, человек, делающий содержательную какую-то работу, проигрывает тому, кто быстренько похватал внешние эффекты и сделал себе рекламу. И, может, выход для многих – эмиграция в тот же астрал?

– Отсутствие путей построения будущего всегда приводит людей в психологический и интеллектуальный коллапс, обесмысливает реальность. Тогда псевдореальность, мифологический формат, иллюзии становятся более важными, чем жизнь. Это политическая и социальная наркомания. Люди, которые маршируют, которым достаточно знать какие-то фетиши – это не люди, а материал, их завтра пошлют умирать за нового Сталина, за Грабового. Или за какие-то смыслы, которые придумает такой же грабовой, обслуживающий какие-то форматы власти, Павловский, к примеру, или Белковский, там много у нас таких же грабовых смыслопроизводителей.

Это бизнес на заведомо гибельном для людей пространстве. Жизнь может заполняться любовью, надеждой, дружбой, но она также может заполняться галлюцинациями...

* * *

В конце телепрограммы Андрей Малахов, перекрикивая свою, как всегда, наверное, самую шумную из всех аудиторию, обратился напрямую к Грабовому. Он сказал, что если бы не дорожил местом работы, то прямо сейчас, в прямом эфире ударил бы его. То есть морально – ударил. Но канал, на котором работает Малахов, чуть ли не ежедневно показывает нам картинку уничтожения террористов. Вы замечали? Это, правда, происходит чуть ли не каждый день – в центре какого-нибудь города Северного Кавказа идет перестрелка, обязательно загорается дом и боевики уничтожаются. Вот просто, как кролики на удава, идут боевики в центры городов, селятся, вооруженные до зубов, в обычных квартирах и ждут штурма. Я бы сделала из этого сюжета такой своеобразный тест на наличие в каждом из нас духовного иммунитета против разного рода технологий. Если вы, посмотрев в блоке новостей такой сюжет, получаете всякий раз сигнал о том, что вас надежно защищают, что с терроризмом идет планомерная, систематическая борьба, потому что боевиков уничтожают партиями, как гриппозных кур, вы – потенциальный адепт какого-нибудь культа. Не важно какого – социального, политического, религиозного...

ГОЛУБЬ, ЛЕТИ! Как мы врали проходим

Девушка, одиноко курившая на скамейке (Наташа, секретарь-референт, 19 лет), отреагировала еще веселее:

– Я вообще-то могу поехать с вами прямо сейчас.

Мы сломались. Потеряли бдительность и с очередной рекрутируемой начали с места в карьер:

– Вы, наверное, верите в Бога? Мы хотели вас пригласить...

– Есть два вида проституции, – резко сказала она, не дослушав, – телесная и духовная. Вы сейчас подошли ко мне со вторым предложением. Это непристойно. Вера, как и любовь, дело личное.

– Мы просто подумали, вдруг вы хотите... – попытался оправдаться Володя. И осекся, вспомнив ее сравнение.

Двухтысячный год. Это сегодня в лексическом нашем гардеробе слово «теракт» занесено до дыр. А тогда – первые взрывы, ужас не точечный, а общий, миру – «нет», войне – «да».

...Популярный ведущий беседует на ОРТ с Щаранским, занимавшим в ту пору должность министра внутренних дел Израиля. И не столько даже беседует, сколько просто считывает информацию, ловит каждое слово: он весь – внимание. Щаранский говорит, что как бывший правозащитник очень высоко ставит ценность соблюдения прав человека, так как это – вопрос качества жизни. Защита прав – самое важное, но есть одно только дело, которое важнее, – защита самой жизни. Ответственность момента вытягивает ведущего в струнку. Он замирает, боясь спугнуть такое откровение. Запад кричит о нарушении прав мирного населения Чечни, но там, на Парламентской ассамблее Совета Европы, никто из уполномоченных высокопоставленных наших «ответчиков» не смог подобрать нужных слов: защита жизни – важнее прав. Никто не смог, а у него в студии слова найдены. Сказаны.

Есть такие люди: они уже встроены в официальную линию, но немного мучаются из-за нехватки морального алиби, каких-то духовных подпорок. Слова Запада: «Россия неадекватна в своем отпоре террористам», «гуманитарная катастрофа» их слегка ранят, а вот Израиль в лице Щаранского врачует царапинку: разве на Западе есть такая опасность для жизни? Нет. На тот момент – нет, еще целы в Америке башни-близнецы... С терроризмом «по-настоящему столкнулись только» Израиль и вот теперь Россия. С угрозой жизни целым городам. А значит, любая мера адекватна.

Такие слова – указатели к единственной, может быть, тропке из тупика психологического дискомфорта. Тогда же (повторюсь, – это год двухтысячный, еще не избран президентом Путин и только-только началась вторая война в Чечне) мы и решили пойти по этому пути, поискать выход. Проверить: есть ли он и в самом ли деле там?

– Добрый день! Вас приветствует радиостанция «Эхо черного пиара». Мы находимся неподалеку от станции метро «Маяковская», на наших часах полдень, и мы сейчас видим очаровательную даму. Будьте любезны, ответьте: вы слышали последние новости?

– Я? Как? – Женщина лет «от тридцати пяти до пятидесяти» в малиновой дубленке поправляет очки в дорогой оправе. Она явно смущена и польщена.

– Представьтесь, пожалуйста, – вежливо, но достаточно деловито требую я.

– Валентина Никитична Тарасова, бухгалтер, – неуверенно произносит интервьюируемая, – но... Я не знаю. Это прямой эфир? Я-то так не очень умею говорить.

– У вас замечательно получается, – вступает в роль психолог Владимир Крысенко.

– Правда? – радуется женщина. – А что надо говорить? – И поправляет прическу.

– Вы, конечно, уже слышали обращение исполняющего обязанности президента России Владимира Владимировича Путина к соотечественникам, – бодренько произношу я, не обращая внимания на ее отрицательное мотание головой. – Он сказал, что только что получены неопровержимые доказательства: теракты в Москве были совершены намордоранцами.

– Кем? – потрясенно переспрашивает Валентина Никитична.

– Странно, что вы до сих пор не в курсе, вся страна уже горячо обсуждает этот факт, – с укором говорит Володя. – Сейчас решается главный вопрос: вывода войск из Чечни.

– Кошмар какой!

– Почему кошмар?

– Ну как почему? Почему! Опять поражение! Опять отзывают войска! Наглость какая. Предательство!

Какая-то компания притормаживает шаг, вслушивается...

– Вот нам и нужен глас прохожих, – говорю я как можно тише, – ваш в данном случае глас.

– Мое мнение: от Путина народ отвернется. Мы-то поверили, что защитит, что такой энергичный. А он сдастся, – сразу, не задумываясь, выдает Валентина Никитична.

– Но поймите, – тоже теперь уже приглушенным голосом говорит Володя. – Он не сдастся, он теперь будет защищать нас от намордоранцев.

– А они не чеченцы? – с угасающей надеждой в голосе спрашивает она.

– Да ну что вы! – возмущается Володя. – Вы что, совсем не учили в школе географию? Намордорания – небольшой полуостров Ахинеяского залива.

– А, да, да, да... – как-то удивительно правдоподобно припоминает женщина.

– Уже объявлено: нашим войскам будет дан двухдневный отдых дома, а потом они будут направлены на войну туда, – говорю я.

– Ужас какой... – повторяется женщина. – Но никак нельзя сейчас выводить войска из Чечни. Там-то ведь тоже надо додать гадину в ее логове.

– Понятно, – сочувственно кивает ей Володя. – Но тут ведь что выяснилось: гадина не в Чечне.

– А Басаев? – вдруг находится женщина. – И араб этот, друг его?

– Ну, они, может, и гадины, только к взрывам жилых домов в России не имеют отношения... То есть угрозы терактов с их стороны нет.

– Нет угрозы нашим жизням с их стороны, – уточняю.

– И что? Это повод войну прекращать? – вдруг как-то совсем уже запальчиво вопрошает дама. – Повод? Вот только что начали и снова назад, да? Знаете что, я вот как скажу: не надо с той страной, как там название... ну... не надо никаких с ними боевых действий. Пусть у нас кому положено с ними разберутся – дипломаты, спецслужбы. Кому положено. А войска должны воевать в Чечне – я вот так скажу.

– Но почему? – не понимаю я.

– Потому что все испоганили! Раньше вот таксопарк – престижнейшее место работы было. Так? Очереди выстраивались, чтоб в такси сесть. А что теперь! Никто не садится. У мужа выручка – слезы, а не деньги. И зря Путин... Мы-то верили... Он если в Чечне не победит – не будет ему поддержки... Не выберут его президентом!

– Спасибо, – говорю я, и Володя опускает микрофон. – Мы должны вам кое в чем признаться. Это розыгрыш. Никаких сообщений Путина не было.

Она явно не знает, как реагировать. Смотрит тревожно.

– Цель у нас, поверьте, безобидная, – мягко улыбаясь, говорит ей Володя. – Нам надо понять: люди, поддерживающие сегодня войну в Чечне, чем они руководствуются? Если защитой от терроризма, то как они отреагируют, если неожиданно и от имени авторитетного для них лица им заявят, что за теракты в России несут ответственность совсем другие люди?

- Ну как отреагируют... – эхом отзывается Валентина Никитична. – Как?
- Вариантов много. Может, предложат извиниться перед мыкающимися по палаткам людьми, чьи дома уже разбомбили...
- Она не дает Володе договорить:
- Что-о? Извиниться? Да вы... – Машет рукой. Резко повернувшись, делает пару шагов в сторону. И, будто передумав, останавливается. Вполоборота:
- Что с этим-то народом теперь будет? Как их там... На полуострове? Намара... как там их?
- Да нет такого народа, – устало говорю я.
- Она хмурится и уж не знаю о чем думает. Уходит в явном раздражении.
- Ну, – говорю я напарнику, – будешь комментировать, психолог?
- Он пожимает плечами: какой тут комментарий?

Комментарий психиатра, психотерапевта Марины ИГЕЛЬНИК:

– Знаете, до парламентских выборов двухтысячного года у меня был огромный наплыв клиентов. И я отмечала такой общий тревожно-депрессивный фон настроения у людей. Они находились во внутренне небезопасном для себя состоянии. Проблемы личные: разводы, измены – все усугублялось вот этим общим фоном безысходности и непонимания – что будет? Многие жаловались на психологическую атаку с телеэкрана. После этой атаки они себя ощущали как парализованные тараканы, побрызганные ядовитой жидкостью. И вот всех этих людей как-то успокоил фактор Путина.

То есть проблемы у них остались те же, и эти проблемы во многом отражают состояние общества. Желание, чтобы кто-то пришел и что-то за них сделал, ощущение себя жертвами, вера в то, что есть человек, который точно знает все, – мудрец, советчик, защитник... Почему Путин, он ведь пока никакой? Трудно же судить о человеке, который себя никак не показал, кроме как тем, что начал вторую войну с Чечней. А потому Путин, что общество сегодня, на мой взгляд, находится в доэдипальном периоде (так называют возраст ребенка от трех до шести лет). Мама не пришла, не накормила – страшно. И нельзя нас без пригляда оставлять, мы что угодно натворим, что-нибудь сломаем, пуговицу проглотим. Да еще чужие дяди нас обижают. «Мы накормим, присмотрим, догоним чужих дядей, накажем, отнимем, вам раздадим», – слышат они во всем том, что говорит Путин... Он дал им образ виноватых – для движения, для ощущения собственного смысла жизни, которого у них не было. Вся политика на этом играет, к сожалению. На вот таком инфантилизме народа.

...Компания – трое мужчин, которые явно пытались прислушаться и явно хотели дать интервью, – куда-то делась. Мы поискали, но не нашли.

– Знаешь, давай больше не заговаривать с одноклеточными, – взмолился Володя, остановившись у филармонии. – Продолжаем беседу, если только человек мыслящий. Идет?

– Тогда нужно забыть про Намордоранию, – внесла я ценную коррективу, но он уже подался вперед. С афиш списывал что-то себе в блокнотик молодой человек в длинном черном пальто.

- Добрый день. Вас приветствует радиостанция «ЭЧП».
- Привет, – отозвался парень и глянул с нарочитой скукой.
- Представьтесь, пожалуйста, – попросила я, поднося ему микрофон.
- Иван Андин. Род занятий надо? Ну... Образование гуманитарное, а работа – не очень.
- Не гуманитарная?

– Нет, как ни крути. Э... то есть не то, что вы подумали. Без криминала. Понимаете меня, да?

– Замечательно, – сказал Володя. – Ну и что вы думаете по поводу заявления Путина?

– А что такое он там заявил? – теперь уже не нарочито, а совершенно искренне поскучнел интервьюируемый. Но выслушал внимательно.

Намордоранию Володя в своем рассказе совершенно неожиданно для меня заменил на Украину. И горестно добавил:

– Представляете, мне-то каково? Я ж сам украинец. У меня там мать живет, в Киеве. Начнут теперь бомбить...

– Маразм, – спокойно и задумчиво сказал явно невпечатлительный Иван. – И посмотрел на часы. – Да вы не расстраивайтесь, это, по-моему, очередная утка. Ясно ж было с самого начала: никаких следов чеченских. Уж как носом землю рыли – не нашли. И с Украиной вашей так же будет. Кому выгодны были эти взрывы, я думаю, всем ясно. Все аккурат к выборам состоялось. Явная заказуха спецслужбам. И дрожди для Путина. Просто люди убирают в подкорку то, что не положено понимать, а думы думать стараются те, что культивируются... Понимаете меня, да?

– Ну, – укоризненно говорит Володя, – такие вещи нельзя утверждать без доказательств. Существует презумпция невиновности.

– Но почему она не существует для Чечни? Покрошили там народ, дома, положили наших пацанов – и что? – Он говорит и снова смотрит на часы.

– Торопитесь?

– Да нет. Я тут жду... Но пока нет человека, можно и поговорить. А когда это Путин с заявлением выступил? Утром? Вот, кстати, странная вещь... только можно это не записывать? Понимаете меня, да?... Спасибо. Так просто скажу вам: очень странная вещь. Вроде бы все мне ясно – на каких адских дрожжах вырос Путин, что это за кот в мешке, что если ты человек, то не должен вот так вот грубо навязанное принимать. А я его уже принимаю, даже симпатизирую. Прочитал, что подал Путин руку подвыпившему Ширвиндту, развернул свою свиту и отправился с артистом пить в театральный буфет, – рад. Узнал, что, вернувшись из Германии, он разыскал друга, который когда-то его выручил, помог, – и опять рад. Вы фильм смотрели с Аль Пачино в роли дьявола? Он там шепчет: сбрось с себя эти кирпичи чувства вины. Дьявол мне шепчет? Вот ненавижу умом Путина, а магия какая-то есть...

Комментарий психиатра Степана МАТЕВОСЯНА:

– Я вижу Путина как человека с действительно выраженным комплексом неполноценности. Обычно такой человек кривит губу, хочет казаться круче, взгляд у него холодный. Он не может быть симпатичным по восприятию. Любой человек, который занимается определенным видом деятельности, имеет вокруг себя, ну, не ауру, а информацию, он носитель какой-то культуры. А профессиональный шпион – он ведет беседу иначе, думает иначе. Его обучили врать так, чтобы при этом не краснеть. Была такая передача, в которой его бывшая соседка вспоминала его детство и говорила, что он был положительным, но дети его не любили. Это интересно, потому что детская интуиция обычно очень точная.

И вот такой человек-маска – самый реальный кандидат в президенты, и нормальная человеческая психика начинает защищаться. В психологии это называется рационализацией. Простое понятие: включаются механизмы, направленные на психологическое оправдание объекта, от которого невозможно избавиться, или ситуации, с которой реально столкнулся. Вы купили автомобиль красного цвета, а вам говорят: надо было белого, белый в жару отражает лучи солнца. Но вы уже купили красный и подсознательно

ищите информацию, которая бы оправдала ваш выбор. Вот говорят: для тумана хорош красный цвет – и вы это ловите. То же и в отношении к Путину. Это наша адаптация...

...Мы уже давно сдались и рассказали Ивану про эксперимент. Он посмотрел на часы и только после этого погрозил нам пальцем. Объяснил, что давно ничему не удивляется, даже если бы сказали, что у Путина мать чеченка. Добавил: «Легко верю любой новости. Реальность-то у нас виртуальная, понимаете меня, да?»

Мы понимали только то, что человек, которого он ждет, уже вряд ли появится. Но он ждал и все старался как-то снова завязать разговор, чтобы мы не ушли. И мы не ушли.

Он любопытствовал: «Часто так экспериментируете?» Мы ответили: «Со времен секты “Аум Синрикё” – помните, с ее именем были связаны теракты в японском метро? Мы тогда с Володей прикинулись вербовщиками секты, которую назвали “Заумь Бесие”, и пошли по московским улицам проверять духовный иммунитет сограждан».

«Завербовали?» – поинтересовался он и посмотрел на часы. «Многих», – ответили мы и немного поговорили про секты. Так, просто, чтобы помочь ему скоротать время до встречи с человеком, которого он ждал. Иван пожал плечами:

– Не знаю, по-моему, если ты не хочешь, тебя никто никуда не заманит, будь то секта, будь наркота.

И тогда мы стали ему рассказывать то, что объяснял нам раньше конфликтолог, консультант по проблемам защиты от психологического и духовного насилия Женя Волков.

Про техники контроля сознания. Например, групповое давление через игры, подобные детским, через пение, объятия, прикосновение и лесть. Через изоляцию. Про способы, оставяющие мышление: монотонное пение, повторяющиеся действия. Про то, что многим кажется, будто поддаться этому могут только люди неопытные, но это не так. Одна американская ученая долгое время изучала приемы, которые применялись в некоем скандально известном культе. Люди, попадавшие туда, сходили с ума, кончали жизнь самоубийством, покушались на жизнь своих близких. И вот она решила провести эксперимент. Прикинувшись человеком с улицы, дала себя «уговорить» и уехала с ними за город. И первое, что она спросила у нашедших ее на третий день коллег, было: «Пожалуйста, напомните: а что там у них плохого?»

– Точно как я... – неожиданно вставляет Иван и не смотрит на часы. Он вообще о них, кажется, забыл напрочь. – Три дня болел, ни с кем не общался, телевизор смотрел. А через эти три дня и сам бы спросил: напомните, что там я вам плохого говорил о Путине? И...

...Перчатки больше не греют, руки мерзнут. Иван в этот момент выглядит отстраненно-ошарашенным.

– Ну... – говорит он и тянет, тянет паузу. – У меня жена вторая, ей всего двадцать лет. А мне 32, понимаете меня, да? Такая девчонка была... И точно, как будто в ней программы подменяются! Она так жутко стала рассуждать... Как будто не она, а двойник ее рассуждает!

Мы молчим. И не то чтобы деликатно ждем, когда он снова вспомнит про нас, а просто каждый от его слов нарывається внутренне на какую-то собственную боль.

– Вот ты представь, не кто-нибудь, а мой коллега, умничка, светлая голова! Я всегда ему верил как себе, – рассказывал мне пару дней назад Володя. – И он – не кто-нибудь, а он! – вдруг изрекает: «С психотерапевтической точки зрения войну нельзя останавливать. Нам нужна эта победа. Иначе комплекс неполноценности будет развиваться. Это – целебная война!» Представляешь? Жареный лед! Доброе убийство. Сухая вода. Психотерапевт, елки...

...Если есть хотя бы два ряда – можно перестроиться из одного в другой. Но если второй ряд – встречная полоса, маневр убийствен, это добровольная авария. Грустная вещь – отсутствие маневра. Безличные глаголы сразу вспоминаются: моросит, смеркается. Кто это делает?

А нет существительных. Глаголы есть, но они как бы никем не управляются. Нельзя спросить напрямую: «Кто смеркается?»

И – вы заметили? – побежали носороги. Прямо по городу. Творят что-то неожиданное и ужасное. Почувствовали? Ну да, непостижимым, необъяснимым каким-то образом, и как-то вдруг носорожки признаки стали проявляться не где-то там, а в кругу уже ваших знакомых. Сначала этот. Потом вон тот. Потом сосед, коллега, родственник – носороги! Большинство! И те, кого это отвращало, теперь задумались: а может, это хорошо? Нормально? Ведь не в абстрактном городе, как в пьесе Ионеско, а в Москве – бродит, вращается, прокручивается что-то такое безлично-чудовищное в неопределенной форме. И все-то оно подобрало, и все-то в себя вобрало. Пожирнело. Пробежавшее где-то бесстыдство взяло с радостью (а все летели-плыли-ехали, прибывали. А всем срочно надо было сказать пароль: «Путин». «Свои, значит? – уточняли у вчерашних врагов. – Ну, проходите»). И уже спокойно-гордо-степенное безобразие – тоже вобрало (вовсе там был не Боярский. Там образ д'Артаньяна спекулировал девизом «Все за одного!», спекулировал потому, что этот один, за которого все, – не мушкетер вовсе. И никакой не Райкин, а Гамлет самим фактом своего присутствия сообщал, что «быть или не быть?» – для него не вопрос больше. Быть, но как, чтобы уж очень качественно? – вот в чем вопрос. И чтобы не в массовке единодушно голосующих, а так, чтобы эпохально. Как? Тень отца призвать не грех, всем сообщить просто: «Буду полезен»). И доблестную беспринципность – подобрало («А в чем здесь преступление?» – спросил Марк Захаров). Вбирало-подбирало и прорвало тоненькие рамки приличий, в которые мог раньше как-то уместиться цинизм. А стал беспредельным – и нет больше рамок, выброшены за ненадобностью, и все «можнее и можнее» то, что непорядочно.

– ...Какой хороший! Ждет до сих пор! – Девочка-жена виснет на Иване и тараторит без умолку: – Я к маме заскочила. Думала – на минутку, но ты же знаешь маму, она...

– Познакомься, – перебивает ее Иван. – Радиостанция... как вы сказали? У тебя могут взять интервью.

– Здорово. А о чем? Спрашивайте. Ну спрашивайте!

Володя смотрит на Ивана с укоризной и с явной неохотой достает из сумки микрофон. Мы спрашиваем.

– Да хоть инопланетяне... какая разница, кто взрывал? – говорит она, не меняя интонации. – Людей с Гурьянова и Каширки не оживишь, а чечены все еще живые. Их надо было с самого начала всех взорвать. Чтоб и беременных всех, чтоб они не плодились... Вот Ивашка отворачивается, он у меня гуманный. А я мыслю здраво – если всех мужчин-чеченов перебить, родятся новые и будут без отцов. И наши станут их жалеть: ах, бедненькие сиротки. А когда они вырастут...

Я улыбаюсь. Володя смотрит на меня с беспокойством. А я вообще-то просто анекдот вспомнила. Ковбой там говорит ребенку: «На конфетку, сиротка». – «Я не сиротка, вон мой папа, вон там моя мама». Ковбой целится из пистолета, убивает папу с мамой и поворачивается к ребенку: «На конфетку, сиротка»...

– Она не была такой, – нервничает Иван. – Это что-то совсем непонятное, почему она так. Вам трудно представить, вы ее не знали раньше...

– А я, в смысле, тормоз, да? – вглядывается в наши лица девушка. – Вы, в смысле, за чеченов? Ну... я типа пошла тогда и все такое.

– Девушка, – говорит Володя, – понимаете, в каждом народе есть, кроме бандитов, другие люди. По-другому быть не может. Кто-то лечит, кто-то учит, то есть существуют чеченцы врачи, учителя, плотники, клоуны... И дети растут не только у бандитов, но и у них.

– Нам нужна победа над ними, – говорит девушка.

«Спартак» – чемпион... Напомните мне, кстати, что это мы там несли такое про моральный дискомфорт? И есть ли в действительности такие слова? И что там было про Израиль?

Володя прячет микрофон. Бездна – это значит без дна, а без дна на самом деле только небо. Кто это говорил? Иван смотрит в небо.

– У нее на самом деле добрая душа, – говорит он и все еще смотрит в небо. Что он там видит: душу девочки-жены? Что там делает ее душа? Смотрит на красивое тело, которое переминается с ноги на ногу и спрашивает:

– А как ваша радиостанция называется?

– «Эхо черного пиара».

– Очень приятно. А меня зовут Елена Андина.

Иван смеется. Говорит: «Она еще очень юная. Понахвталась...»

Мы тоже думаем: может быть, это все – пока только клиническая смерть. Может, спасется...

Глава 2 ЗААСФАЛЬТИРОВАННЫЕ

(Как мы жили два первых года после выборов)

Подлодка? Она утонула...
Телебашня? Сгорела...
НТВ? Свернулось...
Появилась газета
«Мой любимый президент»...
На границе «зароились»
талибы...



ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ...

Будто сбежали из мест заключения старые символы, которым, казалось, давным-давно уже был вынесен смертный приговор. Топчутся в сегодняшней лексике недострелянные и где-то в стороне от нас откормившиеся, ставшие вдруг снова весомыми слова: Дзержинский, единомыслие, прослушка, дезинформация, диктатура.

Не верится. Как будто говорят: «Леший бродит, вот его следы». И ты видишь: да, следы есть, но... в лешего верить – это выше сил. И почему-то не страшно и не смешно, а как-то смертельно скучно. Настолько, что поневоле прислушаешься к тем, кто говорит о дистанционном управлении человеком, зомбировании, каких-то излучениях, влияющих на наши решения. Увлекает. Легче и даже приятнее думать, что все происходит не по вине людей, а по результатам какого-то тайного применения к ним кодирующих технологий.

Мой собеседник, генерал-майор, прослуживший более четверти века в КГБ, Николай ШАМ знает такие технологии досконально.

– Николай Алексеевич, я много слышала о вас как о человеке, хорошо разбирающемся в эзотерических вещах, вы работали в этом направлении, контролировали его. Поделитесь секретами. Очень хотелось бы знать: были ли мы предметом какого-то нетрадиционного воздействия, к примеру, в те недавние времена, когда нас активно называли электоратом?

– Не думаю. Вы предполагаете тонкие и очень сложные миры, а ведь чем грубее интеллект, тем проще методы. С электоратом все было предельно просто, вы же сами это хорошо знаете. Люди доведены до такого состояния, когда они просто вынуждены бороться за свое выживание. Общественное сознание опущено. Государство устанавливает такие правила игры, при которых человек вынужден идти на запредельные какие-то вещи, чтобы прокормить семью. Есть фактор просто биологический: человек должен съесть столько-то того-то. В СССР в среднем приходилось на душу населения 70 кг мяса, сейчас, дай бог, в среднем 20.

– «Мясо на душу» – странно это как-то звучит. Почти так же несочетаемо, как рассказанная недавно телеканалом НТВ история гибели в Чечне 39-летнего контрактника из Кузбасса. Он успел прослужить всего два месяца, и гроб даже не уместился в шестиметровой комнатке общежития, в которой ютилась его семья. То есть человек шел воевать только потому, что мечтал к сорокалетию получить квартиру...

– В такой ситуации люди, конечно же, поддержат кандидата, который уже в период предвыборной кампании поднимает уровень пенсий, обещает повысить зарплату. Да плюс еще параллели и сравнения: разваливающийся на глазах Ельцин и энергично бегающий Путин – тоже фактор воздействия. Масса факторов, вы их сами легко перечислите. И зачем, скажите, нужны были бы еще и эзотерические способы?

– Может быть, вы помните случай, когда лет семь назад один бывший народный депутат заявлял, что во время съезда он и его коллеги не могли понять, почему они проголосовали по какому-то очередному вопросу именно так, как проголосовали. В тот же день они почему-то долго не могли найти свои номера в гостинице, в которой проживали. Хотя были абсолютно трезвы. Тогда и родилась версия, что помещение, где они находились, было буквально наспиговано аппаратурой, которая воздействует на психику. Я об этом вспомнила, когда совсем недавно в приватной беседе моему знакомому популярный актер (не будем его называть) повторил все то же самое. Незадолго до парламентских выборов 1999-го года он выступал со словами горячей поддержки Путину, а уже на следующий день не мог понять не только почему он так говорил, хотя делать этого как бы не собирался, но и как он вообще

оказался в том самом месте. У него сложилось твердое ощущение, будто им управляет какой-то радиоголос и он ему подчинялся, как зомби.

– Понимаете, мы все зомбированы в известной степени, но это вовсе не значит, что к нам применяется какая-то специальная аппаратура. Вот на вас цепочка, и вы, конечно, уверены, что она золотая, а на самом деле это может быть сплав простых металлов. Сегодня огромная сеть ювелирных магазинов впаривает их покупателям как золото. Вот идет реклама лекарства, вы ее не слышите, то есть это вам так кажется, что вы не вникаете в нее и не относитесь к ней серьезно. Но когда заболеваете – бежите в аптеку и приобретаете именно его.

– Все это, конечно, влияет на подсознание, но не настолько, чтобы человек вдруг оказался там, куда ехать вовсе не собирался.

– Но это – сложнейшие технологические системы, в которые закладываются и цвет, и речевое воздействие со специальным подбором символов. И эти технологии применимы практически для всего: с их помощью можно развязать войну, начать бизнес, выбрать в президенты страны монстра.

– Можно настроить общество на идею, что все беды России исходят от женщин, предпочитающих в одежде красный цвет.

– Можно, и это я говорю совершенно серьезно: массовое сознание нашего общества сегодня очень легко обработать, людям можно внушить любой абсурд, не прибегая для этого к тонким технологиям.

– Ну, допустим, сегодня это так. Но вам-то, наверное, приходилось заниматься технологиями более тонкими – в советские времена, когда вы работали в КГБ?

– Я служил в органах с 1966-го по 92-й год. В центральный аппарат попал в 74-м, как раз в эпоху космических полетов, шла тогда еще программа «Союз – Аполлон». Что входило в сферу деятельности контрразведки, к которой я принадлежал? Закрытые виды связи, оперативно-технические подразделения, военные комплексы, погранвойска – вопросы чрезвычайных происшествий, поиск вредителей, агентуры противника, контроль режима секретности оборонной промышленности. Потом в мою сферу попала и атомная энергетика. Десятки институтов занимались такими вещами, которые просто необходимо было жестко контролировать. К примеру, СВЧ-излучение. С одной стороны, все знают, как оно вредно для человека. С другой – такая аппаратура активно создавалась для хозяйственных нужд: стерилизации пива, сохранения продуктов... Но кто гарантирует, что человеку, который этим занимается, не придет в голову взять и сделать СВЧ-генератор для каких-то других целей? Действие СВЧ человек ощущает быстро, но есть еще масса других генераторов, локаторов, а это излучения, которые можно использовать в прикладных каких-то целях. И они разрабатывались.

– И применялись спецслужбами?

– Многие государства занимались разработкой эзотерических вопросов, пытался это делать и Советский Союз. Но не забывайте, что у нас был мощнейший военно-промышленный комплекс. Ни одна страна мира не имела аналогов такому монстру: мы запускали в космос ежегодно более ста спутников, в то время как США – 15. У нас на вооружении находилось одновременно до 15 типов стратегических ракетных комплексов наземного базирования, до 15 типов базирования морского. У США – всего три типа. Ядерный потенциал Советского Союза был достаточен, чтобы уничтожить земной шар 200 раз! Возьмите другие сферы, химическое, к примеру, оружие. Мы до сих пор не знаем, что делать с огромными запасами, оставшимися с тех времен арсеналом, – металл ржавеет, герметичность постепенно нарушается. Разрабатывались такие сверхоригинальные вещи, что капельками можно было бы уничтожить чуть ли не половину земного шара как такового. Подумайте, только представьте на секунду: наличие всего этого – и тут вот, значит, эзотерика пугает. Я знаю, многие сегодня говорят об этом всерьез, но только вдумайтесь: более половины населения страны было занято в военно-промышленном

комплексе, занято разработкой и созданием средств уничтожения человека, и это никого не пугало.

– Психологически это вполне объяснимо: угроза земному шару – отчужденная угроза, абстрактная. Человека всегда пугает то, что непонятно и что могут применить к нему конкретно. Могут ли его, к примеру, запрограммировать так, что он, ничего не зная, не ощущая, не видя, начинает выполнять чью-то, а не свою волю? Применяются ли к людям такие методы сегодня?

– Конечно. Это опять же излучения: лазерные, инфракрасные, ультразвуковые, СВЧ, КВЧ, миллиметровый диапазон, их комбинации. Есть методы информационного переноса, когда свойства, к примеру, лекарств переносят на какие-то носители – воду, олово, воск, на какой-то предмет, которым человек пользуется. Воздействовать на психику человека можно чем угодно: цветом, к примеру. В вашем кабинете кто-то подбирает определенную цветовую гамму или частотные колебания, которые воздействуют на глаз, и через некоторое время с вами могут начаться серьезные качественные изменения. Общеизвестна резонансная аппаратура немецкого доктора Фоля. Существуют сегодня специальные каталоги частот органов человека, к ним можно подобрать соответствующие излучения, гармонику и поменять пульсацию сердца, частоты печени, мозга.

– Можно так влиять на расстоянии?

– В том числе и на расстоянии, если поставили кому-то датчик. Ведь человек реагирует на все: в зависимости от обстоятельств у него меняются тембр голоса, влажность кожи, цвет лица, и по излучению, по электромагнитным колебаниям можно все о нем знать и программировать. Существует еще очень опасная форма гипноза – человек становится абсолютно управляемым. Ему могут внушить любую программу действий, которая может быть введена в любой момент. Позвонили, сказали в процессе разговора ключевое слово, и все – программа начала работать. Это может быть сигнал и другого типа – цветовой, болевой, звуковой. Все эти технологии, к сожалению, доступны сегодня криминальному миру, находятся у него на вооружении.

– Криминальные структуры обогнали в этом направлении спецслужбы?

– После того как я уже ушел из органов (здоровье ухудшилось после работы в Чернобыле), меня пригласили в комиссию, которая проверяла, как идут начавшиеся тогда преобразования в КГБ. Мы тогда ставили вопрос о том, что общество создало и содержит этот институт, у которого есть специфические средства контроля в определенных сферах. И значит, государство должно жестко определить его функциональность. Один из самых важных параметров оценки – информационная составляющая. То есть КГБ отслеживает, выявляет какие-то негативные явления, процессы, обрабатывает эту информацию, анализирует и готовит соответствующее сообщение властям. Эта информация должна быть непременно воспринята, по ней должны быть приняты конкретные меры, и очень важна обратная реакция, оценка этой информации.

Чем еще определяется эффективность? Раскрытие преступлений, поимка шпионов. Так вот, 98 процентов седых полковников и подполковников говорили мне на тот момент, что они заняты вопросами контрабанды. А что это? Ну, кольцо, к примеру, кто-то не задекларировал, перелетая через границу. Вот вся работа. А информационные вещи можете показать? Что сделано? Все было пущено на самотек. Я недавно заходил к своим ребятам – все стало еще хуже. Они предоставлены сами себе и становятся заложниками системы: погрязли в кулуарных разборках, занимаются лоббированием. Представьте себе оперативника, который работает с агентурой, – это дело негласное, а значит, он должен жестко, системно контролироваться. Ничего этого нет, и люди в стенах бывшего КГБ заняты сбором информации по нефти, металлу, газу. У них небольшие зарплаты... А вы говорите: «тонкие технологии»...

– Вас, должно быть, веселят на этом фоне разговоры о возможном возврате 37-го года, о том, что возможны тотальная слежка за людьми, прослушка их разговоров.

– Вы себе можете представить, какой должна быть затратная часть, чтобы все это обеспечить? Это просто невозможно. Как можно бояться возврата 37-го года, когда все у нас сегодня гораздо страшнее? Любой следователь прокуратуры может вас посадить, если захочет. Людей бросают на двухъярусные нары, где они по очереди спят, где нет никакой вентиляции, параша, бог знает какая вода и какая пища – миллионы загоняются в эту систему. И когда люди уже ломаются морально, инфицируются – их выпускают. И все это тиражируется, тиражируется.

Я не знаю, что страшнее: когда бросали в тюрьмы за политический анекдот – или когда за что угодно, если нет в кошельке денег. Ясно одно: сегодня жертв гораздо больше, чем это было в 37-м.

АСФАЛЬТ ДЛЯ ОЛИГАРХОВ

...Все наши тайны перерыли социальные технологи. Взломали души, перевернули в них все вверх дном, подняли пыль, грязь, инстинкты – убирай потом после них. Да и кому убирать, если удалось им выловить, схватить черты вековой, можно сказать, мечты российского человечества – вылепить ее, вручить нам. И что?

– Абсолютная апатия, усталость общества, – говорит психиатр Алексей Копылов.

Прошло четыре месяца, как всенародно избран президент. Август. Год 2000-й. Планета – Земля. Я прошу психиатра прокомментировать монолог давнего своего знакомого, спасателя по профессии...

Монолог спасателя:

...Вроде такая работа, она дает потрясающий моральный допинг – ты всегда на высоте, очень развито самоуважение. Я в последнее время стал это терять, стал себя самого ловить на каких-то подленьких мыслях, а уж чего-чего – подлости в нашей профессии нет, не держатся здесь гады.

Но откуда-то изнутри они поднимаются – подленькие мысли, не мысли даже – позывы, так будет точнее. Слушаю сводки из Чечни и умом понимаю: погано! Мор. Солдаты, дети, старики – все гибнут. Но жалко солдат, а дети и старики – их жаль, конечно, но жаль так, как вот в американских фильмах говорят при случае: «ай эм сори» – «я сожалею».

То есть только вслух, не внутри – потому что чеченцы же, может, и в самом деле, чем их меньше – тем лучше. Заложников брали, мучили, изгалялись. И самому себе: стоп! Да что ж такое? Если зависнет на высоком этаже малыш, разве стану я выяснять, кто он – русский или чеченец? Конечно, нет. Я полезу спасать, я сделаю все, чтобы спасти. А если знать буду, что это чеченский ребенок? Да полезу не раздумывая и, может, врежу на ходу тому, кто посчитает нужным мне это уточнить. Тогда что? Откуда? Почему? Да потому, что я сам вот этими руками разгребал то, что натворили взрывы на Каширке, в Печатниках.

Я разгребал, а по ночам водку жрал – глаза не мог закрыть, слезились, болели. И будто лампа внутри без выключателя – горит, горит! И я не знал, кто – чеченцы или нет, кто это сделал. Но указали нам: чеченцы сделали! И все, и пусть все они сдохнут!

Потом взялись за этих богатейших, как их там? Да, олигархов. И также был момент – ну изнутри, ну не знаю как: всех их в Бутырку. Пусть. Пусть сгниют, хорош жировать, дети валяются в обмороки в провинции, я это видел, ездил, знаю. То есть вот если бы голосование какое – я был бы «за»! Внутри, там, внутри себя. А умничать – это пожалуйста, я умом, конечно, понимаю: если пойдет эта волна – так сначала все чеченцы виноваты, потом все богатые, потом, может, и мы. И если так пойдет, так мы – все вероятнее, чем олигархи.

Всегда разберутся, откупятся те, кто в первых вагонах...

Будьте осторожны при выходе из последней двери последнего вагона.

(Из призывов в Московском метрополитене.)

– Так, а что? На антагонизмах всегда выстраивались популистские вещи, – комментирует психиатр Алексей КОПЫЛОВ, – когда нет духовной самозащиты, люди идут за дудочкой. Это и есть роскошное поле для манипуляций – люди, которым не хватает рационализма.

– **В них легко играть?**

– Есть кем играть – значит, будут играть. Когда пешек много, ими обязательно будут играть. Они потенциально провоцируют игроков. Вопрос не в том, какой у них король, вопрос – в количестве пешек. Чем их меньше, тем лучше: играть некем. Всего-то есть 3 – 4 варианта

дешевого управления страной. Тоталитарный – самый дешевый: всех запугать, задавить. Громкие дела, допросы... И посмотрите на НТВ – бодро сражались, а лица теперь другие. Значит, прошло? Или все-таки – нет? А это так и делается: отрезками. Закидываются некие вещи: не пройдет – ладно, пройдет – пошли дальше. С не-пешками, с людьми зрелыми, мыслящими не проходит! Два у нас сегодня полюса. С одной стороны, рефлексированный страх: сейчас раздавят, посадят! С другой – хоть бы всех поскорее пересажали, перестреляли, хоть нормальная жизнь начнется... Один полюс чувствительный, другой – пофигистский, но агрессивный, яростный. И все это вместе взятое есть глубокая социальная апатия, трясина, усталость.

– Как выходят из апатии?

– Ну, есть примеры: как выходили Германия, Америка и как – Северная Корея. Есть вариант халавы: нами будут управлять, мы – люди маленькие. Это других обидят, а нас, людей добрых, если мы будем послушными, хорошими, нас не тронут, нас выташат. Такая фишка: нам разрешат не иметь проблем и разрешат не думать. Что мы теряем при этом – вот о чем речь, и с чего это от нас вдруг так хотят пассивности – вот в чем вопрос.

– Я смотрю новостные блоки достаточно серьезных телепередач и все чаще ловлю себя на ожидании, что в конце скажут: репортаж вели Ася Бякина и Вася Букин. Настолько все часто нелепо и бредово выглядит, что представляется глуповатой пародией.

– А это не пародия, не прикол, это все серьезно. И газета «Мой любимый президент» – это серьезно. И ваш спасатель серьезен, когда говорит о голосовании: кто – «за» и кто – «против» того, чтобы всех богатых в Бутырку.

– Существует такая точка зрения, что 37-й год сегодня невозможен хотя бы потому, что никакого финансирования не хватит, чтобы создать нужную атмосферу: тотальной слежки, прослушки...

– Почему? Профинансируют – и будет; это все равно дешевле, чем делом заниматься. Поиск врагов – путь легкий и дешевый. И что там Чечня или олигархи – посмотрите на ситуацию с губернаторами. Не зарезали, не посадили, не ввели войска, но – пожалуйста, взяли и поделили все на новые административные центры. И что? Проходит? Надо понимать, что за годы боевого идиотизма появились огромные блоки, на которые всем было, грубо говоря, наплевать. Целые отрасли промышленности, униженная армия – забытый слой, который нужно, чтобы о нем вспомнили. У них много агрессии, потому что она была придушена. Не доехали до них олигархи, не вложили в них денег, не помогли им губернаторы.

– Это и есть те 10 процентов, которые уже сегодня готовы заасфальтировать олигархов, а завтра, может быть, и губернаторов?

– Мы говорим о манипуляциях, так вот то, что вы сейчас говорите, – применение одного из их орудий. Кто мне будет рассказывать, что я готов сделать, что я одобряю на 10 процентов, а что – нет? Я на 10 и 90 процентов не делюсь! Понимаете, неважно кто – орел Павловский или кто другой, – кто-то всегда будет закидывать эти манипуляционные штучки. Важно – проходит или не проходит. Проходит во многом еще и потому, что СМИ выступают в роли усилителей. Можно написать: «Раздался чих. Точка. Чихнул такой-то. Точка» – все. Нам же либо говорят, что «чих» был зна́ком, и высказывают по этому поводу массу версий. Либо называют как-то различные этапы. Назвали, разложили, взяли за следующий. Констатация фактов, пустопорожние рассуждения. Вот как вспышка на солнце – мы оценим, поймем эту вспышку. И никто не хочет понимать, что делать, чтобы вспышки не было.

– А как это понять?

– Любое перемещение пластов дает выброс агрессии. В обществе должно быть нечто цементирующее, чтобы ничего кровавого не произошло. Критическая масса должна быть достаточной.

– Многие говорят сегодня о том, что за президентом чувствуют себя как за каменной стеной!

– Кому нужна каменная стена, тому это хорошо. А мне-то кажется, не хотят люди за каменную стену. Вот и ваш спасатель – он тоже не хочет. Но не за что человеку зацепиться, чтобы устоять, не стать пешкой, не позволить кому-то в себя играть.

– Так за что же людям цепляться, для того чтобы их не передвигали, как фигурки на деревянной доске?

– Да за простой рационализм. Надо учиться думать. Вот идет посыл: диктатура закона. Это же просто игра на менталитете, без диктатуры никак было нельзя? Белые, красные, олигархи, пролетариат. Как будем думать: лучше бы эти съели тех, или те – этих, или – как сделать так, чтобы вообще никто и никогда никого не ел? Все под врагов устраивать – это не путь для выживания. Другие должны заработать механизмы, чтобы спасатель не терял самоуважения. Нельзя его бесконечно провоцировать, очень это опасная стезя – увлечение манипуляциями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.